

Глава девятая НЕСБЫВШАЯСЯ МЕЧТА СВЕТЛЕЙШЕГО

Екатерина, без излишнего шума взошедшая на русский престол, столь же буднично оставила его субботним днем 6 мая 1727 года. По словам Маньяна, «кончина царицы заставляет проливать слезы единственно ее детей, всеобщей скорби она не вызвала». Маньян же дал верную оценку ситуации, сложившейся при дворе после ее смерти: «Если, с одной стороны, опала Толстого и почти всех приверженцев герцога и герцогини Голштинских, как и ее сестры, вся сила которых была недавно сломлена, если это обстоятельство должно служить для детей царицы весьма дурным предзнаменованием, то, с другой стороны, можно думать, что князь Меншиков, руководясь советами Остермана и не имея больше никого, кто бы мог вредить его планам, надолго ограничит свою власть в Совете теми пределами, которые ему положены завещанием».

На следующий день после смерти Екатерины, в воскресенье 7 мая, во дворец Меншикова прибыли члены Верховного тайного совета, Сената, Синода и генералитет, а также великий князь Петр Алексеевич, обе цесаревны – Анна и Елизавета и герцог Голштинский. Меншиков объявил о существовании завещания императрицы – «Тестамент», хранившегося в запечатанном конверте. Конверт тут же был вскрыт, и секретарь Верховного совета Василий Петрович Степанов стал зачитывать текст завещания.

Главными в «Тестаменте» были три пункта: первый из них объявлял «сукцессором», то есть наследником престола, великого князя Петра Алексеевича, в двух других Екатерина благословляла брак дочери Елизаветы Петровны с епископом Любским и выражала свою волю о супружестве между Петром Алексеевичем и одной из дочерей Меншикова. Во время чтения произошел любопытный эпизод: после того как Степанов прочел два пункта из пятнадцати, провозглашавшие самодержавным наследником великого князя, Д. М. Голицын воскликнул: «Довольно, довольно! Другие статьи обсудятся на досуге».¹ Тем самым князь подчеркивал пренебрежение к воле покойной императрицы, противозаконно занимавшей трон.

Степанов, однако, продолжал чтение. Согласно положениям «Тестамент», до совершеннолетия императора управлять страной должен был Верховный тайный совет в составе девяти персон; в его состав, помимо ранее входивших членов, включались обе цесаревны. Каждой из цесаревен полагалось по одному миллиону и сверх того по 100 тысяч рублей ежегодно на содержание их дворов. Между дочерьми императрицы равными долями должны быть поделены драгоценности, деньги, кареты и прочее имущество умершей. «Тестамент» отменял указ о наследии престола, изданный Петром Великим, и заранее предусматривал порядок его наследования: если Петр II скончается без наследников, то трон должна занять «цесаревна Анна с своими десценденты, по ней цесаревна Елизавета с десценденты», причем в обоих случаях предпочтение отдавалось «десцендентам» мужского пола. Публично объявлен был и главный пункт, касавшийся Меншикова: император должен был жениться на одной из его дочерей.

После прочтения завещания присутствовавшие поздравили Петра II с восшествием на престол и тут же присягнули ему, а император вышел к стоявшим у дворца двум гвардейским полкам. Гвардейцы крикнули: «Виват!» – и тоже ему присягнули. «Его величество и великая княжна (Наталья Алексеевна. – *Н. П.*), – как сказано в „Повседневных записках“, – изволили иттить в верхние свои покои,

¹ Сб. РИО. Т. 75. С. 11, 14.

которые уже были изготовлены для их резиденции». Им была отведена половина дворца Меншикова.²

Перед будущим тестем стояла непростая задача: претворить в жизнь статью «Тестамент» о женитьбе императора на одной из двух своих дочерей и тем самым породниться с царствующей фамилией. Меншиков вполне оценивал ожидаемые от этого бракосочетания блага: положение тестя малолетнего императора предоставляло ему возможность как удовлетворить свое честолюбие и тщеславие, так и умножить и без того колоссальное богатство. Надо полагать, Меншиков представлял, сколь много ему надлежало преодолеть препятствий на пути к конечной цели – подвести дочь к венцу. Он знал о порочных наклонностях будущего зятя, его капризном и своевольном нраве; конечно же было ему известно и о его разгульных похождениях с князем Иваном Долгоруким, и о близком знакомстве с прелестями слабого пола.

Князь Иван Алексеевич Долгорукий, старше царя на семь лет (он родился в 1708 году), был определен гоф-юнкером при великом князе Петре Алексеевиче при восшествии на престол Екатерины. Большинство современников оставили о нем крайне неблагоприятные отзывы. По словам Маньяна, «умственные способности этого временщика, говорят, посредственные и недостаточно живые, так что он мало способен сам по себе внушать царю великие мысли». Лефорт с полным основанием называл князя Ивана «молодым дуралеем». Петр настолько привязался к нему, что, по словам английского резидента Клавдия Рондо, он с ним «проводит дни и ночи. Он единственный неизменный участник всех очень частых разгульных походов императора».³ Впрочем, все эти оценки относятся к более позднему времени, когда Иван Долгорукий стал наиболее влиятельной фигурой в окружении юного императора. Меншиков, зорко следивший за событиями при дворе великого князя, обнаружил тлетворное влияние Ивана Долгорукого и уговорил Екатерину принять решительные меры, отправив гоф-юнкера в армейский полк.

Александр Данилович решил использовать самый простой и, как ему казалось, надежный способ избавить императора от дурных наклонностей – лишить его самой возможности продолжать вести жизнь, не соответствовавшую его сану, установить жесткий контроль за его поведением. Он постарался изолировать будущего зятя от привычного для него окружения и ограничить его общение узким кругом княжеской семьи: супруги Дарьи Михайловны, свояченицы Варвары Михайловны, умной, но сварливой горбуны, получившей доступ в покои императора и его сестры благодаря назначению ее воспитательницей двух княжеских дочерей Марии и Александры и сына Александра. Всего этого светлейший надеялся достигнуть, поселив императора и его сестру в своем дворце.

О сестре императора великой княжне Наталье Алексеевне также надо сказать несколько слов. Она была старше Петра всего на пятнадцать месяцев (родилась 12 июля 1714 года), но в их характерах и поведении прослеживаются столь существенные различия, будто у них были разные родители. Если Петр предстает бесшабашным, безалаберным и своевольным подростком, то его сестра – разумной, не по возрасту рассудительной и уравновешенной девушкой. Все современники, без исключения, отмечали ее добродетели и настойчивость, с какими она пыталась наставить брата на путь истинный. К несчастью, Наталья Алексеевна скончалась 22 ноября 1728 года в возрасте всего четырнадцати лет.

Воспитателем к двенадцатилетнему Петру Меншиков назначил вице-канцлера

² Русский архив. Т. 10. С. 547.

³ Сб. РИО. Т. 3. С. 505, 506.

Андрея Ивановича Остермана. Надо отдать должное Александру Даниловичу – хотя сам он и не знал грамоты, но образованность ценил высоко и, будучи осведомленным о весьма скромных познаниях своего нареченного зятя, сразу же после провозглашения его императором решил восполнить пробел. Кстати говоря, у светлейшего был ограниченный выбор – в последние годы он повел себя столь надменно и высокомерно, что растерял всех, с кем был близок. Остермана же Меншиков ошибочно считал полностью преданным себе человеком. Он не разглядел в вице-канцлере карьериста, готового в любой момент изменить покровителю и переметнуться в лагерь его противников, если это предательство сулит ему выгоду.

Мардефельд доносил королю 15 мая 1727 года: «Царь отдался теперь совершенно в руки князя Меншикова и живет у него в доме. Все, кого он когда-либо любил и кто находился на его стороне, отстраняются от него и отправляются на службу в Сибирь, Казань и подобные места. Князь никому не разрешает разговаривать с царем, если сам или кто-нибудь из его поверенных не присутствует при этом».⁴

Прежде всего, как уже говорилось выше, князь освободил Петра от неугодного влияния Ивана Долгорукого. В день провозглашения Петра императором тот был сослан в полевой полк за якобы причастность к заговору Толстого и Девиера. Общение Петра с прочими лицами было ограничено. Маньян отмечал: «Князь Меншиков относится крайне подозрительно ко всем, изъявляющим хотя малейшее желание говорить с царем наедине».

Даже сын Александр подвергся суровому наказанию за излишнюю болтливость. Маньян описал любопытный эпизод: Александр, «приблизительно одних лет с царем, играя с ним, как-то однажды вздумал сказать государю, что он сам господин своих желаний и никто теперь не может его принудить заниматься тем, чем у него нет охоты». Узнав об этом разговоре, князь наградил сына пощечинами и пинком ноги и велел посадить его под арест в кордегардию.⁵

Сам Меншиков проводил с Петром многие часы: он возил его то на Конюшенный двор для осмотра лошадей, то на Галерный двор, где производили спуск кораблей на воду, то устраивал развлекательные поездки.

Планы и помыслы князя сводились прежде всего к удовлетворению собственного ненасытного честолюбия. Побуждаемый этой страстью, он радел не столько об «общем благе» – мифическом понятии, которым пестрело законодательство петровского времени, сколько о благе личном и благе своей семьи. Ему мало стало чина генерал-фельдмаршала, и он росчерком пера детской руки Петра II получил чин генералиссимуса. Пожалование это сопровождалось фарсом, сценарий которого составлялся не без участия самого Меншикова. 13 мая Петр зашел в покои светлейшего и, по словам саксонского посла Лефорта, заявил: «Я уничтожил фельдмаршала!» «Эти слова, – продолжал Лефорт, – привели всех в недоумение, но, чтобы положить конец всем сомнениям, он показал бумагу князю Меншикову, подписанную его рукой, где он назначал Меншикова своим генералиссимусом».⁶

При Петре светлейший имел чин вице-адмирала. На второй день после смерти Екатерины он стал полным адмиралом, хотя не участвовал в морских сражениях.

Дальнейшие события развивались также по сценарию, составленному

⁴ Сб. РИО. Т. 15. С. 341.

⁵ Сб. РИО. Т. 75. С. 25, 26.

⁶ Сб. РИО. Т. 3. С. 473.

Меншиковым. Главная роль отводилась императору, действовавшему будто бы по собственной инициативе. 23 мая Петр просил у Меншикова руки его шестнадцатилетней дочери Марии. Любопытно, что император отдал предпочтение некрасивой старшей дочери, проигнорировав более привлекательную младшую. Накануне, 22 мая, светлейший имел беседу с церковными иерархами, во время которой обсуждалась церемония помолвки. Ее в торжественной обстановке совершил Феофан Прокопович. После молебствия в присутствии членов Верховного тайного совета, Сената, Синода, а также генералитета и иностранных послов играла музыка, били в литавры, поздравляли помолвленных и будущего тестя. Меншиков находился на полпути к тому, чтобы окончательно обуздать власть.

Мардефельд сообщил королю подробности помолвки: «В Верховный тайный совет явился Остерман и объявил от имени императора, что последний выбрал себе будущую супругою старшую дочь Меншикова; Верховный тайный совет тотчас одобрил этот выбор и поздравил с ним императора. На следующий день князь Меншиков велел пригласить всех иностранных министров, а также всех знатных русских явиться на другой день в 3 часа в его дворец в полной парадной форме. К этому времени находились уже там в полном облачении архиепископ Новгородский вместе с знатнейшими представителями духовенства и всего клира. Далее вошли в залу его величество царь и княжна и встали перед маленьким алтарем, на котором лежал образ; литургия, молитвы и пение духовенства продолжались около получаса, после чего архиепископ надел обоим августейшим лицам их перстни. После того как они приложились к образу, был произведен пушечный салют, и они подошли под благословение. Затем обратился царь сначала к присутствующим дамам для принятия от них поздравления, которые состояли в целовании его руки, а он целовал их в уста. После этого очередь дошла до мужчин, причем произошла сильнейшая давка, которую, как и все действие, царь, однако, выдержал с неизменным спокойствием и большим терпением, и после чего он удалился в свои покои. Туда были позваны знатнейшие из русских министров и посланников, которым царь по русскому обычаю подносил на подносе венгерское вино. После этого царь переоделся в дорожное платье и отправился еще в тот же вечер в Петергоф, где он пробудет некоторое время».⁷

Поездка в Петергоф преследовала ту же цель: полностью изолировать императора. Здесь, как и в столице, князь находился при императоре. Меншиков никогда не увлекался охотой, но ради большой цели можно было пойти и на маленькие жертвы – вместе с Петром он несколько раз ездил на псовую охоту.

Ничем не рисковал Меншиков и тогда, когда отправлялся в свою загородную резиденцию Ораниенбаум или в Кронштадт для осмотра работ, так как будущий зять не оставался без надзора – в его обществе находились либо Дарья Михайловна, либо невеста, либо княжеский сын.

10 июня Меншиков возвратился в столицу, а на следующий день туда прибыл и Петр, опять поселившийся во дворце Меншикова.

До сих пор Александру Даниловичу ветер дул в спину и он не испытывал ни малейших затруднений, осуществляя свои планы. Весть о том, что он близок к положению тестя и регента малолетнего царя, стала достоянием европейских держав. Он уже получил поздравления от штатов Голландии, брауншвейг-волфтенбительского князя Августа Вильгельма, австрийского канцлера Шенборна и даже от самого императора Карла VI. Но тут случилось то, чего никто не мог предусмотреть и что в конечном счете сыграло роковую роль, – светлейший занемог.

⁷ Сб. РИО. Т. 15. С. 245, 346.

Признаки болезни князь обнаружил еще 19 июня – в этот день он принимал лекарства и ему пускали кровь. Светлейший надеялся, что после мыльни ему полегчает, но нет – мыльня нисколько не помогла, наоборот, ему стало хуже. С 22 июня он уже не выходил из дому, хотя еще и не слег. Кроме завсегдатаев дворца его навещали члены Верховного тайного совета: Апраксин, Головкин, Голицын, Остерман.

Меншиков вел деловые разговоры, крепил письма. Но консилиум врачей, состоявшийся 26 июня, запретил больному заниматься делами, и число визитеров значительно поубавилось.

Состояние больного дало современникам повод ожидать близкой кончины князя. Лефорт доносил в Дрезден 12 июля: «Кроме харканья кровью, сильно ослабляющего Меншикова, с ним бывает каждодневная лихорадка, заставлявшая за него бояться. Припадки этой лихорадки были так сильны, пароксизмы повторялись так часто, что она перешла в постоянную. В ночь с девятого на десятое число с ним случился такой сильный припадок, что думали о его близкой смерти».

У самого Меншикова тоже мало было надежд на выздоровление. Чувство овладевшей им обреченности четко прослеживается в документах, составляемых обычно заблаговременно или в дни, когда смерть властно стучится в дверь.

Среди предсмертных документов – несколько обращений Меншикова к лицам, которым он вручал судьбу семьи, на благожелательность и помощь коих рассчитывал; их он просил «оставших после меня сирых жену мою, и детей, и дом мой содержать в своей милостивой протекции и во всем приизирать». Фамилии в стереотипных проектах обращений не названы, но совершенно очевидно, что если письмо адресовано «господину вице-канцлеру, тайному действительному советнику», то имеется в виду Остерман, «генерал-адмирал» – не кто иной, как Апраксин, «канцлер» – это Головкин, а «сиятельный князь» – Дмитрий Голицын. Короче, письма предназначались членам Верховного тайного совета, как тогда говорили, министрам. Среди них, кажется, наибольшую надежду на заступничество внушал будущий родственник князь Голицын. В проекте обращения к нему есть фраза, отсутствующая в прочих текстах: «А я домашним своим приказал, чтоб во всем поступали с ведома и изволения вашего сиятельства». Отметим, что среди будущих покровителей семьи значился и ее губитель Остерман.

Проект духовной в соответствии с указом Петра I о единонаследии объявлял единственным наследником движимого и недвижимого имущества сына Александра, которому поручено было «во всю жизнь» опекать сестер. Однако до совершеннолетия сына содержание дома вручалось Дарье Михайловне и ее сестре Варваре. Упоминания Варвары Михайловны в духовной – еще одно свидетельство громадной роли свояченицы в семье князя. Отец требовал от сына, чтобы тот «обучался с великим прилежанием вначале страху Божию, потом принадлежащим наукам и всем честным поступкам».

Из предсмертных сочинений князя наиболее интересны два его обращения к царю. Это своего рода исповедь, в которой размышления о будущем страны и ее монарха соединены с приземленными рассуждениями о будущем семьи.

Царь, ныне пребывающий «не в совершенных еще летех», в будущем может прославить себя подвигами, достойными памяти деда. Путь к этому лежит «как чрез учения и наставления, так и чрез помощь верных советников».

Меншикову было хорошо известно пристрастие молодого царя к праздности. Отсюда просьба: «Извольте как в учении, так и в забавах и в езде себя кротко и тихо содержать и сие все умеренно содержать».

Кого же прочил князь в наставники царя, без чьего совета тот не должен был ничего предпринимать? На первое место поставлен «барон Остерман», а уже после него – безымянные «господа министры».

В последнем пункте обращения князь просил царя в память о своих прежних заслугах «содержать в вашей милости оставшую по мне мою супругу». Но главная просьба касалась дочери Марии: «...милостивым быть к вашей обрученной невесте» и «в подобное время вступить с нею в законное супружество».

Не надо быть провидцем, чтобы угадать судьбу помолвки после смерти князя. Саксонского посла Лефорта невозможно заподозрить в исключительной проницательности, а его донесения – в глубоком содержании. Тем не менее он на основе слухов, ходивших при дворе, предрекал развитие событий: «Когда Меншиков умрет, помолвка утратит силу и дочь перестанет быть невестой». Поведение зятя во время болезни Меншикова давало основания для подобного умозаключения.

В первые дни недомогания Петр вместе с сестрой Натальей более или менее часто навещал больного, но в дальнейшем визитов становилось все меньше и меньше. Брат и сестра посетили Меншикова 25, 27 и 29 июня. Затем наступил длительный перерыв. Очередные визиты были нанесены 9, 12 и 15 июля. А 20 июля к Меншикову пожаловала Наталья Алексеевна уже без брата. Следующая встреча царя с князем состоялась 29 июля, когда самочувствие светлейшего улучшилось настолько, что ему было разрешено выезжать из дома. Вечером этого дня он вместе с Петром участвовал в церемонии открытия моста через Неву. Они проехали по нему в карете.

В те пять недель, когда князь Меншиков практически был лишен возможности опекать будущего зятя, свершилось то, чего он так опасался, – юнец освободился от его опеки и оказался под влиянием тех, кто предоставлял ему больше свободы, кто решительно не противодействовал его дурным наклонностям. Теперь Мардефельд не мог уже написать фразы в депеше, отправленной 24 мая: «Меншиков овладел как душой, так и личностью молодого царя».⁸

Раньше Петр был неразлучен с Меншиковым. После выздоровления светлейшего он избегал с ним встреч, и если они все же происходили, то были кратковременными и на людях.

Так, встреча Меншикова с Петром 30 июля продолжалась лишь четверть часа, следующие две встречи состоялись две недели спустя, 14 августа: одна длилась час, другая 15 минут. Непродолжительный разговор состоялся 17 августа. К этому надобно прибавить еще две встречи, одна из которых состоялась во время литургии и поэтому, видимо, не сопровождалась беседой, а другая – 9 августа – проходила во время осмотра итальянского дома, подаренного Петром невесте. Не подлежало сомнению, что между князем и императором наступило охлаждение, что последний избегал свиданий с невестой и тяготился опекой будущего тестя. Современники, имевшие доступ ко двору, отмечали похолодание в отношениях между женихом и невестой. Еще 25 июля 1727 года Маньян писал, что «с некоторых пор» замечено «крайнее равнодушие молодого царя к княжне, его невесте, с которой он уже видится очень редко, не желая допускать в своих прогулках и иных развлечениях никого, кроме одной великой княжны, сестры его, и иногда принцессы Елизаветы».⁹ Два свидетельства Лефорта более лаконичны: «Петр совсем не любит своей невесты». В депеше, отправленной накануне падения Меншикова, Лефорт писал: «Любовь императора к своей невесте все более и более ослабевает».¹⁰

Равнодушие жениха к Марии заметил и ее отец. В конце августа Меншиков не

⁸ Там же. С. 342.

⁹ Там же. С. 51.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 3. С. 490.

удержался от упрека царю, что тот мало заботится о своей невесте. На это царь якобы ответил:

– Разве не довольно, что я в душе люблю ее, ласки излишни, а что касается до женитьбы, то Меншиков знает, что я не имею никакого желания жениться ранее 25 лет.

Впрочем, были свидетельства и противоположного содержания. 22 марта 1727 года, то есть еще до смерти Екатерины, Мардефельд доносил: «Князь Меншиков по внушению своего собственного честолюбия сумел заставить молодого великого князя полюбить свою вторую дочь и довести их отношения до такой искренности, что великий князь начал ее считать своей будущей супругой». ¹¹

Возникает недоуменный вопрос: почему царь избрал в супруги старшую дочь Меншикова? Частичный ответ на этот вопрос можно найти в депеше Лефорта от 21 июня 1727 года: «Он (Петр Алексеевич. – *Н. П.*) сделался женихом, чтобы только уступить Меншикову и отвязаться от его просьб; мне даже кажется, что последний дал знать ему через известную женщину, что, если он не исполнит желания покойной царицы, ему будет худо, о чем царь советовался со своею сестрою, и для собственного самосохранения решили так поступить». ¹²

Не заметить наступивших изменений в отношении императора к нареченной невесте после своего выздоровления Меншиков не мог. Если даже допустить, что он ничего не подозревал о грозившей беде, то у него было немало прихлебателей, готовых донести до его ушей молву, ходившую среди придворных. Тем не менее Меншиков не предпринимает решительных шагов, чтобы обезопасить себя. То ли он до конца не поправился после болезни и лишился тех напористости и суровости, с которыми он, например, расправился с Толстым, Девиером и их сообщниками, или той предусмотрительности, с которой он вместе с Толстым подарил корону Екатерине I. То ли витал в мире иллюзий, надеясь, что все обернется к лучшему и состоявшаяся помолвка дочери сама по себе сделает свое дело. Или, может быть, обдумывал планы, как прибрать к рукам нареченного зятя и нанести удар по Долгоруким раньше, чем они сумеют расправиться с ним.

На первый взгляд может показаться, что теперь у него было больше возможностей, чем 28 января 1725 года, – он стал президентом Военной коллегии, адмиралом, генералиссимусом, тестем императора. Власти у него, несомненно, прибавилось. Но тогда он имел многочисленных сторонников и действовал от имени претендовавшей на трон Екатерины. Теперь же он оказался в одиночестве, был лишен сообщников, готовых привести в движение гвардию именем императора, корону которому вручил опять же он, а не кто-либо другой. Теперь от имени императора действовали его противники. Здесь вступала в силу магия царского имени, царистские иллюзии, которым были подвержены все слои общества, от селянина глухой деревни до столичного вельможи. Петр II являлся всего лишь орудием интриги, за спиной которого стояли взрослые и опытные интриганы.

Обычно падение Меншикова связывают с его покушением на прерогативы императорской власти, когда он действовал вопреки воле Петра, проявлявшего расточительность.

Все описываемые иностранными дипломатами эпизоды относятся к августу – началу сентября 1727 года. Маньян доносил в августе: «Как-то на днях царь был восприемником одного ребенка от купели, и при этом случае выказал некоторую щедрость; тогда князь, обнаружив неудовольствие, заметил довольно резким тоном,

¹¹ Сб. РИО. Т. 15. С. 329.

¹² Сб. РИО. Т. 3. С. 479, 480.

что было дано слишком много, так что, говорил он, всего неделю тому назад он выдал царю 200 рублей, и уже больше ничего у него не осталось». ¹³

Несколько примеров аналогичного содержания привел в своих депешах Лефорт. «Недавно этот старый ворчун, – доносил Лефорт 28 августа, – спросил лакея, которому было дано три тысячи рублей для мелких расходов монарха, сколько он истратил. Видя, что он дал царю сумму, хотя и очень умеренную, он выбрал слугу и прогнал его. Царь, узнав об этом, поднял страшный шум и принял обратно слугу».

Другой раз царь послал просить у Меншикова 300 червонцев. Меншиков полубопытствовал узнать их употребление. Царь отвечал, что они ему нужны, и, получив их, подарил сестре. Узнав об этом, Меншиков разгорячился, как бесноватый, и отнял деньги у великой княжны. ¹⁴

Еще один эпизод, сообщенный Маньяном в канун падения Меншикова, свидетельствует о накаленных отношениях между светлейшим и царем: из какой-то провинции царь получил в подарок 700 дукатов и решил передарить их своей сестре. Однако по приказанию светлейшего Варвара Михайловна отобрала у Натальи Алексеевны деньги. «Этот поступок разгневал царя до того сильно, что он пошел в ту же минуту к князю Меншикову и заговорил с ним скрестивши руки со сжатыми кулаками так грозно, что князь был совсем смущен и расстроен его словами». ¹⁵

Вероятно, этот же эпизод описал и Рабутин, но с иными подробностями: Меншикову попался на глаза присланный петербургскими каменщиками подарок царю в 9 тысяч червонных, которые он решил передарить сестре. Князь велел отнести деньги в свой кабинет, сказав при этом: «Император еще очень молод и потому не умеет распоряжаться деньгами, как следует». Разгневанный царь спросил у Меншикова, как он посмел противодействовать его приказанию, на что последовал ответ: «Государство нуждается в деньгах, казна истощена и деньги можно издержать на полезное дело». Петр, топнув ногою, закричал: «Я тебя научу, что я император и что мне надобно повиноваться!» Меншикову едва удалось успокоить царя. ¹⁶

Игнорировать влияние перечисленных эпизодов на опалу Меншикова нет оснований, как нет оснований придавать им решающее значение – двенадцатилетний отрок не созрел для того, чтобы самостоятельно, без влияния извне, действовать решительно и бескомпромиссно. Крушение князя – результат воздействия множества факторов, в большинстве случаев созданных им самим: яму для себя он рыл собственными руками. К таким факторам относится ненависть к князю, вызванная у одних его грубыми поступками, ущемлявшими аристократическую спесь, у других – завистью, у третьих – безмерным властолюбием. Временщики никогда не пользовались любовью и популярностью. Но Меншиков был временщиком властным, честолюбивым, стремившимся подмять под себя все и всех. Современники однозначно оценивали его репутацию. Лефорт писал: «Правда, что его все очень боятся, но зато и ненавидят». Ему вторит Мардефельд: «Князь Меншиков до сих пор был предметом неугасимой ненависти, что он и заслуживает вполне». То же читаем у Маньяна: «Множество недовольных Меншиковым, но никто не осмеливается вступить с ним в открытую борьбу».

¹³ Сб. РИО. Т. 75. С. 67.

¹⁴ Сб. РИО. Т. 3. С. 488.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 75. С. 80.

¹⁶ Вестник Европы. 1896. № 2. С. 560.

Перечисленные дипломаты столь же единогласны в определении причин, вызывавших ненависть. Лефорт: «Меншиков ворочает всем»; Мардефельд: «Князь Меншиков пользуется несовершеннолетием государя во вред государству, завладел могуществом и авторитетом правителя»; Маньян: намерение выдать дочь замуж за царя «еще увеличит число завистников, с которыми он должен был бороться при жизни покойной царицы».

Верховный тайный совет, согласно завещанию, должен быть регентом малолетнего императора. Фактически эти обязанности узурпировал князь, поселив в своем дворце Петра и его сестру. Еще в 1725 году, при жизни Екатерины, Меншиков дал Мардефельду «между прочим понять, что он во всех важных и разногласных делах имеет решающий голос и в состоянии привлечь на свою сторону большинство голосов, а великий канцлер Головкин – чистейший нуль, ничего не понимает, тайный же советник Толстой – чистый итальянец, придерживающийся и ваших и наших; что Остерман – единственный и верный министр, но слишком боязлив и осмотрителен».¹⁷ Так было в 1725 году, когда с Меншиковым соперничал Толстой. При Петре II светлейший стал полновластным хозяином Верховного тайного совета.

В Верховном тайном совете у Меншикова существовали скрытые враги. Общим основанием для их враждебности был деспотический характер князя, его нежелание считаться с их мнением, страх за свое будущее – носились слухи, что они разделят судьбу Толстого, закончат свою жизнь в Сибири, что Верховный тайный совет будет укомплектован людьми, всецело преданными Меншикову. У генерал-адмирала Апраксина была конкретная причина быть недовольным Меншиковым – тот воспрепятствовал его уходу в отставку. Канцлер Головкин не мог питать нежных чувств к генералиссимусу из-за того, что последний преследовал его зятя – П. И. Ягужинского.

Светлейший не пользовался поддержкой и представителей царствующего дома, прежде всего цесаревен Елизаветы и Анны, затаивших смертельную обиду за то, что он преградил им путь к трону, вырвав у Екатерины согласие объявить наследником Петра Алексеевича. Эту обиду не могли заглушить щедрые ассигнования, назначенные на содержание дворов цесаревен.

Не питала симпатий к Меншикову и сестра царя Наталья Алексеевна, трезво оценивавшая и полный произвол князя, и его стремление прихватить как можно больше власти и затруднявшаяся определить, где и когда останутся его поползновения по отношению к ней.

Единственной своей надежной опорой Меншиков считал Остермана, но вице-канцлер, как это многократно отмечалось, являлся великим карьеристом и потому никогда не был и не мог быть прочной опорой кого-либо. Обладая тонким нюхом, досконально зная характер вельмож, стоявших у подножия трона, и соотношение сил, он, обнаружив непрочное положение князя, тут же переметнулся на сторону его противников, а имея доступ к царю в качестве его наставника, внес немалую лепту в низвержение своего покровителя.

По мнению Мардефельда, которое трудно оспорить, «князь принял все меры, которые должны были ускорить его падение, и легкомысленно отказывался от всего того, что ему советовали добрые люди для его охраны, следуя единственно своей страсти к деньгам и необузданному честолюбию. Ему следовало бы действовать заодно с Верховным тайным советом, поддерживать хороший государственный строй, им самим заведенный, и этим приобрести и удержать за собой расположение императора и великой княжны. Его действия противоположны всему этому: он присвоил себе права правителя, прибрал к своим рукам все финансовое управление и

¹⁷ Сб. РИО. Т. 15. С. 274.

располагает всеми делами как военными, так и гражданскими, по своему усмотрению, как настоящий император».¹⁸

Обратимся к хронологии событий, предвещавших падение светлейшего. 18 августа Меншиков с семьей отправился в Петергоф, а оттуда на следующий день выехал в свою резиденцию в Ораниенбаум, где в честь прибытия генералиссимуса прогремели артиллерийские залпы. Петр тоже выехал из Петербурга, но отправился не в Ораниенбаум, а в Петергоф. Если верить Маньяну, то путь царя пролегал по дороге, у которой находилась дача канцлера Головкина, где царь остановился, чтобы поохотиться. «...Тогда этот министр воспользовался случаем, чтобы выразить молодому государю скорбь, испытываемую им по поводу непреодолимой жестокости князя Меншикова к самым верным подданным и слугам его императорского величества, доводившей многих до отчаяния».

Головкин жаловался царю на Меншикова, намеревавшегося сослать его зятя Ягужинского на Украину. Петр внял просьбе Головкина и по поводу Ягужинского вел разговор с Меншиковым. Но тот был неумолим и настоял на своем.¹⁹ Это способствовало еще большему разжиганию вражды к князю не только со стороны царя, но и со стороны канцлера.

19 августа Остерман отправил письмо светлейшему, в котором поздравил его со счастливым прибытием в Ораниенбаум и сообщил о намерении царя ночевать в Стрельне, оттуда отправиться в Ропшу, а затем в Петергоф. Письмо заканчивалось словами, не дававшими повода князю сомневаться в верности автора: «Вашу высококняжескую светлость всепокорнейше прошу о продолжении вашей высокой милости и, моля Бога о здравии вашем, пребываю с глубочайшим уважением вашей высококняжеской светлости всенижайший слуга А. Остерман». В письме имеется убаюкивающая приписка царя, написанная конечно же не без ведома наставника: «И я при сем вашей светлости, и светлейшей княгине, и невесте, и свояченице, и тетке, и шурина поклон отдаю любительный. Петр».

21 августа новое письмо Остермана, извещающее Меншикова об изменении сроков прибытия в Ропшу для «провождения всей охоты нашей». Андрей Иванович не преминул заверить князя о приносимой им жертве ради того, чтобы угодить царю: «Я хотя весьма худ и слаб и нынешней ночи разными припадками страдал, однако ж еду». Остерман явно усыплял бдительность князя, извещая его о том, что царь и его сестра «весьма обрадовались» «писанию вашей высококняжеской светлости», оба «любезно кланяются», однако сами не пишут, потому что «учреждением охоты и других в дорогу потребных предуготовлений забавлены».²⁰

Князь обнаружил обман Остермана, когда 26 августа вместе с семьей прибыл в Петергоф, чтобы поздравить Наталью Алексеевну с именинами. Прием царя был настолько холоден, что Меншикову ничего не оставалось, как отбыть из Петергофа. Петр кому-то из приближенных заявил по поводу своего пренебрежительного отношения к Меншикову: «Смотрите, разве я не начинаю вразумлять его?»²¹

30 августа Меншиков отмечал свои именины. Список гостей возглавляли адмирал Сиверс, несколько генералов, завсегдаев в приемной и «прочие господа морские офицеры». Среди присутствующих не было ни одного министра. Не почтил

¹⁸ Там же. С. 386, 387.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 75. С. 80.

²⁰ Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 110, 111.

²¹ Сб. РИО. Т. 3. С. 489–490.

вниманием своего нареченного тестя и Петр. Праздник, всегда проводившийся с необыкновенной пышностью, в присутствии императора или императрицы, теперь прошел заурядно. Не сгладили впечатления и несколько залпов солдат Черниговского полка, построенного по этому случаю.

Чем же занимался Меншиков в Ораниенбауме с 19 августа по 5 сентября?

Ничем особенным. Жил как жил. Даже самое скрупулезное изучение «Повседневных записок» не обнаруживает никаких признаков его беспокойства и тревоги. Распорядок дня оставался прежним, и своим привычкам светлейший не изменял. Вставал, как и раньше, в обычное для себя время, слушал дела, «крепил» подписью документы. В ожидании аудиенции в приемной толкались военные и придворные чины. Не расставался Меншиков и со своей привычкой спать после обеда. Иногда Ораниенбаум навещали «персоны». 20 и 28 августа он принимал Феофана Прокоповича, несколько раз его навестили члены Верховного тайного совета Апраксин, Головкин, Остерман и Голицын. 5 сентября в Ораниенбаум пожаловал Остерман, с которым в течение часа разговаривал «тайно». После этого, как сказано в «Повседневных записках», Меншиков посетил царя. Однако тот, надо полагать, не пожелал с ним встретиться, ибо обычно сообщается время, потраченное на беседу; на этот же раз отмечено лишь, что «путь восприял сухим путем в Санкт Питербурх».

Визит Остермана наверняка носил разведывательный характер, ибо предшествовал нанесению решающего удара. Возможно, Меншиков жаловался на Петра, отбившегося от рук и к нему совершенно охладевшего, на праздное времяпрепровождение, а барон утешал своего собеседника.

Маньян так оценил поведение Остермана в эти критические дни: «Так как невероятно, чтобы Остерман, приверженец князя Меншикова, не принимал участия в заговоре, то есть основание думать, что или князь Меншиков не должен был полагаться, как он, по-видимому, делал, на привязанность и благодарность этого министра или этот последний рассудил, что заговор против князя Меншикова слишком могуч для того, чтобы основывать свою личную безопасность на князе». ²² Это мнение представляется нам убедительным.

Два отступления от принятого распорядка во время пребывания Меншикова в Ораниенбауме все же удастся уловить: князь реже развлекался игрой в шахматы и карты. За шахматный столик в Ораниенбауме он садился только дважды. Напротив, он чаще, чем прежде, пребывал в одиночестве, погруженный в свои мысли.

Последнюю надежду на примирение с императором князь возлагал на освящение построенной им в Ораниенбауме церкви. Он много раз навещал ее, видимо, гордился убранством, ибо накануне освящения показывал ее голштинскому министру. Для большего благолепия Меншиков заблаговременно, еще 31 июля, отправил в Москву нарочного с предписанием немедленно выслать «басистого» протодиакона и одного певчего.

Освящение церкви состоялось 3 сентября. На празднование прибыли Апраксин, Головкин, Голицын, но среди гостей, увы, не было главного лица, ради которого были затеяны торжества, – Петра II. Не было и Остермана. Меншиков поссорился с ним во время последнего визита – он грозил сослать барона в Сибирь за то, что тот будто пытается обратить царя в лютеранскую веру.

Отсутствие на освящении церкви императора конечно же не обрадовало князя. Но если бы на церемонии отсутствовали и члены Верховного тайного совета, то это вызвало бы у него сильное подозрение и тревогу. Противники князя, по-видимому, решили своим присутствием усыпить его бдительность. Они по-прежнему

²² Сб. РИО. Т. 75. С. 82.

улыбались, пытаясь скрыть приближение часа своего торжества, когда всемогущий временщик будет низвержен и превращен в арестанта.

Неизвестно, какими соображениями руководствовался Александр Данилович, когда 5 сентября выехал из Ораниенбаума в Петербург. Возможно, он рассчитывал на поддержку гвардии – но, конечно, для борьбы не с самим императором, а с его окружением, настраивавшим против него юного царя. Впрочем, эта версия не находит подтверждения ни в одном документе.

Бесспорно, однако, что в голове светлейшего роились планы использовать против своих недоброжелателей силу.

Иначе зачем ему было отправлять курьера к командующему украинской армией фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну с письмом следующего содержания: «Изволите ваше сиятельство поспешать сюда, как возможно на почте, и когда изволите прибыть к перспективной дороге, тогда изволите к нам и к брату вашему князю Дмитрию Михайловичу Голицыну прислать с нарочным известие... дабы ваше сиятельство прежде всего изволили видеться с нами».

Перед нами любопытный факт. С одной стороны, он подтверждает отсутствие у Меншикова союзников среди тех, кто, как и он, обязан был своей карьерой Петру Великому, осуществлял его преобразовательные начинания. Не было у него покровителей и среди представителей царствующей фамилии. Как мы уже говорили, сестра императора Наталья Алексеевна числилась среди его злейших врагов, а цесаревна Елизавета Петровна не имела оснований проявлять к нему благосклонность – ей была хорошо известна роль Меншикова в удалении из России ее сестры Анны Петровны вместе с супругом герцогом Голштинским.

С другой стороны, действия Александра Даниловича кажутся парадоксальными. Парадокс этот состоит в том, что в критические для себя дни светлейший счел необходимым обратиться за помощью к лицам, которые относились к нему с неприязнью, как, впрочем, и он к ним. Князья Голицыны гордились своей породой и в глубине души презирали выскочку; Меншиков же завидовал их родословной и их княжеской спеси, подпитываемой вековыми традициями. Взаимной неприязни нисколько не противоречило стремление князей Голицыных породниться с Меншиковым – ведь в данном случае Голицыны вступали в родство не с безродным выскочкой, а с тестем самого императора.

6 сентября князь посетил Верховный тайный совет, но никого там не встретил. 7 сентября он вновь прибыл в Верховный тайный совет и обнаружил там только князя Голицына и секретаря Степанова. В тот же день в столицу возвратился Петр, причем поселился он не во дворце Меншикова, а в Летнем дворце, срочно для этой цели приведенном в порядок. Сюда же были привезены все его личные вещи.

Развязка наступила 8 сентября. В этот день в Верховном тайном совете собрались все противники князя: Апраксин, Головкин и Остерман. В журнале Верховного тайного совета под этим числом читаем запись: «перед приходом его величества послан был к князю Меншикову генерал-лейтенант и майор от гвардии Семен Салтыков с объявлением ареста, чтоб он с двора своего никуда не съезжал».²³ В тот же день царь велел отозвать почетный караул, положенный генералиссимусу, а также повелел гвардии не слушаться ничьих приказов, кроме приказов гвардии майоров Юсупова и Салтыкова.

Современники сообщают две версии поведения князя после объявления ему ареста. По одной из них, с Меншиковым случился обморок, и ему пускали кровь, по другой – он вышел в приемную и жаловался всем присутствующим, что «вот как его

²³ Сб. РИО. Т. 69. СПб., 1889. С. 370.

награждают за верную службу государству и молодому императору».

Чувствовал ли Меншиков близость своего падения? Какие планы роились в его голове в эти напряженные дни? Надо полагать, их было немало, но он понимал одно – в сложившейся обстановке можно было сохранить свое положение лишь при помощи силы. Однако возможность использования силы исключалась: светлейший не располагал верными и влиятельными людьми, готовыми привести в движение эту силу – князь нерасчетливо настроил против себя всех, кто бы мог помочь в беде: Остермана, Головкина, Апраксина. Оставалось ждать милости от монарха, и он решил использовать этот шанс и обратился с мольбой о пощаде – причем не только сам, но и через домочадцев, в первую очередь через супругу Дарью Михайловну.

В письме к Петру II Меншиков писал:

«Сие все придаю на всемилостивейшее вашего величества рассуждение; я же обещаю мою к вашему величеству верность содержать даже до гроба моего. Также сказано мне указ, чтоб мне ни в какие дела не вступаться, так что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелели для моей старости и болезни от всех дел меня уволить вовсе, как по указу блаженной и вечной достойной памяти ее императорского величества уволен генерал-фельдцейхмейстер Брюс. Что же я Кайсарову дал письмо, дабы без подписания моего расходов не держать, а словесно ему неоднократно приказывал, чтобы без моего и Андрея Ивановича Остермана приказу расходов не чинил, и то я учинил для того, что понеже штат еще не окончен, и он к тому определен на время, дабы под образом повеления вашего величества напрасных расходов не было. Ежели же ваше величество изволите о том письме рассуждать в другую силу, и в том моем недоумении прошу милостивого прощения».²⁴

Неизвестно, была ли отправлена челобитная или нет. Возможно, на нее не сочли необходимым отвечать словами, а ответили делом, нанеся Меншикову окончательный удар, положивший конец его карьере. 9 сентября Петр подписал указ, составленный, несомненно, Остерманом и доставленный Меншикову тем же Салтыковым. Указ этот не мотивирован и беспощаден; им повелевалось лишить князя чинов и наград и отправить в отдаленную вотчину: «Указали мы князя Меншикова послать в Раненбург и велеть ему жить там безвыходно, и послать с ним офицера и капральство солдат от гвардии, которым и быть при нем, а чинов его всех лишить и кавалерии взять...»²⁵

Не помогло и прошение о помиловании супруги Меншикова Дарьи Михайловны. По словам Мардефельда, она «припала... к стопам императора, что побудило к ней большое сочувствие, ибо она весьма благочестивая и добродетельная особа и так слаба, что многократно падала в обморок. Сам император поднял и утешал ее. Затем пошла она к великой княжне Елизавете Петровне, чтобы передать ей просьбу своего супруга заступиться за него перед императором».²⁶

Несколько иначе этот эпизод описал Лефорт: «Его супруга и сын отправились к царю просить помилования, она встала на колени, но царь остался на своем и, не произнеся ни слова, вышел вон. То же самое она сделала у великой княжны Елизаветы Петровны и великой княжны Натальи Алексеевны, но они также удалились. Эта отличная дама, о которой все сожалеют, целых три четверти часа

²⁴ Сб. РИО. Т. 15. С. 387.

²⁵ Вестник Европы. 1898. № 2. С. 570.

²⁶ Сб. РИО. Т. 69. С. 272.

стояла на коленях перед бароном, и ее нельзя было поднять».²⁷

К просьбам о помиловании была привлечена и невеста государя Мария Александровна. Причем она обратилась не к жениху, а к его сестре Наталье Алексеевне. Великая княжна уклонилась от встречи, и тогда Мария Александровна решила отправить ей письмо с известием, что ее «дражайший родитель зело печалится» из-за того, что ему не удастся встретиться с императором, который «на дворе его светлости стоять не изволит». У великой княжны Мария просила «предстательства», о том, чтобы император «изволил прибыть в дом его светлости дражайшего родителя моего и с ним видеться».

С. М. Соловьев, опубликовавший это письмо, высказал справедливое сомнение, что «письмо без подписи, едва ли было отправлено». Можно не сомневаться, что оно не было отправлено, и дело здесь не только в отсутствии подписи, но и в том, что изложенная в письме просьба, чтобы царь прибыл на свидание с отцом своей бывшей невесты во дворец Меншикова, в той ситуации представлялась нелепой.

Суровые правила борьбы за власть исключали возможность компромиссов, и Остерман, руководивший действиями императора, отдавал себе отчет, что останавливаться на полпути значило обрекать себя на гибель, необходимо довести дело до конца. Да и сам Меншиков, надо полагать, понимал бесполезность обращения к царю за помилованием. Разве сам Меншиков пощадил Девиера, когда его супруга, родная сестра Александра Даниловича, слезно молила о снисхождении?..

Можно представить, что творилось во дворце Меншикова в течение суток, отведенных ему на сборы. Дорогую мебель, ковры, картины, изделия из хрусталя и походные шатры пришлось оставить. В суматохе захватили с собой самое необходимое. Но и это составило громадный обоз из тридцати трех карет, колясок и колымаг, сопровождаемых пестрой свитой слуг. Среди ста тридцати трех человек свиты находились маршалы, восемь пажей, шесть гайдуков, двенадцать лакеев, двенадцать поваров, двое портных, двое певчих, сапожник.

10 сентября выехали из столицы. В четырех каретах, каждая из которых была запряжена шестерней, разместились члены семьи Меншикова: в первой сидел князь с супругой и свояченицей, во второй – сын с карликом, в третьей – две дочери с двумя служанками, в четвертой – брат княгини Меншиковой Арсеньев. Кorteж конвоировали 120 солдат под командованием гвардии капитана. Невиданное зрелище выезда из столицы опального вельможи наблюдали тысячи зевак, стоявших по обочинам дороги.²⁸

В последующие недели и месяцы Остерман с немецкой педантичностью продолжал наносить поверженному Меншикову один удар за другим: сначала отобрали оружие у людей, сопровождавших corteж князя, затем довели состав дворни до минимума, потом в Раненбурге изъяли все семейные драгоценности, и, наконец, бывший всемогущий временщик и генералиссимус с семейством был отправлен в Березов, где и закончил свой жизненный путь в 1729 году.

Падение Меншикова вызвало неоднозначное отношение: одни радовались, другие считали наказание чрезмерно суровым, не учитывавшим его заслуг. К первым относились герцог Голштинский и его супруга Анна Петровна. У них было основание ненавидеть Меншикова, стараниями которого герцог после смерти Екатерины вынужден был покинуть Россию. С его мнением перестали считаться в

²⁷ Сб. РИО. Т. 3. С. 496.

²⁸ Сб. РИО. Т. 69. С. 272.

Верховном тайном совете, вдвое уменьшили сумму, предназначавшуюся на содержание его двора. Анна Петровна писала сестре: «Что изволите писать об князе, что его сослали, и у нас такая же печаль сделалась об нем, как у вас». Радовался и Феофан Прокопович, у которого с князем не сложились отношения и который ожидал своей опалы. Свой восторг он описывал одному из архиереев витиеватым языком: «Молчание наше извиняется нашим великим бедствием, претерпенным от тирании, которая, благодаря Бога, уже разрешилась в дым. Ярость помешанного человека, чем более возбуждала против него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тем более и более со дня на день усиливала свое свирепство. А мое положение было так стеснено, что я думал, что все уже для меня кончено».

10 февраля 1728 года у Анны Петровны в Киле родился сын. Феофан в поздравлении, не жалея эпитетов, писал о Меншикове: «Вас постигло то, что почти превышало меру вероятия. Этот бездушный человек, эта язва, этот негодяй, которому нет подобного, вас, кровь Петрову, старался унижить до той низкой доли, из которой сам, рукою ваших родителей был возведен почти до царственного состояния, и вдобавок, наглый человек, показал пример неблагодарной души в такой же мере, в какой был благодетельствован. Этот колосс из пигмея, оставленный счастьем, которое довело до опьянения, упал с великим шумом».²⁹

Иного мнения придерживался фельдмаршал Голицын, намеревавшийся породниться с князем путем женитьбы своего сына на его дочери. В изложении Маньяна позиция Голицына выглядит так: «Голицын поставил на вид царю, что, хотя его брат член Совета, и он более, чем кто-либо не одобрял хищности и растрат, производимых именно князем Меншиковым, ему казалось, однако, что важные услуги, оказанные князем его императорскому величеству, могли бы заслуживать некоторого смягчения в его наказании».³⁰ В другой депеше 15 июля 1728 года Маньян с чувством сожаления описывает жизнь князя в ссылке: «На все нужды как его, так и семьи, последовавшей за ним в ссылку, положено лишь шесть рублей в неделю. Только что узнали, несколько дней тому назад, о смерти его жены и что он при смерти болен; так жалко готова окончиться жизнь того, чье имя при трех различных царствованиях приводило в трепет всех вельмож».

Лефорт поделился своим мнением о Меншикове не после его падения, а во время опасной болезни в июле 1727 года: «Если князь Меншиков умрет, то на это будут смотреть как на худо и добро. На добро потому, что избавятся от безграничной власти, которую никто не осмелился бы присвоить, и древние фамилии снова займут свое прежнее положение... На смерть Меншикова смотрят как на несчастье в том смысле, что никто не может заменить его в деле исполнительной власти, не желая взять на себя всю тяжесть таких обязанностей».³¹

Де Лириа считал опалу Меншикова большой утратой для России. Известие о его падении он получил на пути в Петербург в Дрездене и отреагировал на него 5 октября 1727 года: «...князь Меншиков был единственный человек, который поддерживал правила покойного царя и царицы. С его падением нужно опасаться, что московиты захотят поставить свое правительство на старую ногу, увезут царя в Москву, откажутся от Венского союза, а следовательно и от нашего, и возвратятся к своему древнему существованию». Скорбь испанского посла по случаю опалы Меншикова станет понятной, если учесть, что во внешней политике именно князь

²⁹ Сб. РИО. Т. 15. С. 388.

³⁰ Сб. РИО. Т. 3. С. 494.

³¹ Соловьев С. М. Соч. Кн. 10. С. 116, 117.

ориентировался на союз с Австрией.

Почитатели Меншикова обнаруживались не только среди вельмож, но и среди офицеров. Капитан-поручик Василий Казанцев поплатился ссылкой в Сибирь, когда в октябре 1727 года заявил двум канцелярским служащим: «Как де ныне императорское величество изволит ехать в Москву для своей коронации, тогда старицу Елену посадят на царство, понеже его императорское величество во младости, и учинится тогда бунт, а князь Меншиков будет по прежнему».

Так с падением Меншикова завершилась эпоха, составной частью которой было царствование императрицы Екатерины Алексеевны.